

Что касается прорезных рамок, образующих гнезда, заполнявшиеся пастой, цветными камнями или стеклом, то они также характерны для оформления большого числа византийских серебряных и золотых изделий (реликвариев, окладов, ларцов), украшенных перегородчатой эмалью, начиная с известной лимбургской ставротехи середины X в.¹³

Таким образом, можно мысленно восстановить богатое убранство створок (снаружи и внутри), а также выдвижной крышки и, до известной степени, внутренней части эрмитажного реликвария.

Как было указано выше, имеется большое сходство в декоративном убранстве задних стенок обоих сопоставляемых реликвариев (ср. рис. 3 и 7). Почти совпадает, прежде всего, характер орнаментального обрамления: тот же двойной ряд завитков с пятилепестковыми цветами, только более живо и свободно расположенными на нашем экземпляре. Зато более широкий крест здесь упирается примыкающими к его концам медальонами непосредственно в обрамление, тогда как на латеранском реликварии крест несколько большей величины заполняет не все пространство поля и стоит на трех ступеньках. Имеются некоторые различия в орнаментации самого креста, в характере розеток и контуров. Общая трактовка как заполняющего фон орнамента, в виде переплетающихся спиралек, так и аканфа (имеющего сходство с папоротником) представляется более сухой на латеранском экземпляре по сравнению с эрмитажным¹⁴.

При всех указанных различиях можно считать, что оба предмета являются изделиями одного художественного центра, а возможно, и одной мастерской, и относятся приблизительно к одному и тому же времени. Едва ли можно сомневаться в том, что они изготовлены в столице Византии — Константинополе. Сложнее обстоит дело с уточнением даты в пределах XI—XII вв.

Из числа сохранившихся памятников, имеющих точную дату, следует прежде всего назвать лимбургскую ставротеху X века¹⁵. Ее убранство богаче, и по времени изготовления она несомненно предшествует группе интересующих нас вещей. Это обнаруживается, в частности, при сравнении задних стенок реликвариев: вся ее композиция гораздо строже, нет стремления к заполнению всего поля (рис. 8). Крест органически связан с вполне пропорциональными четырьмя ступенями. Под ним проходит стебель аканфа, заканчивающийся с обеих сторон зубчатыми листьями, выполненными без всякой стилизации. Листья же не только на латеранском, но и на эрмитажном реликварии приобретают стилизованный характер. Ступеньки на латеранском экземпляре непропорционально узки. Стебли представлены на обоих памятниках произрастающими из розетки. Всё это указывает на более позднюю дату публикуемого реликвария.

с памятником, усмотрел в углублениях, заполненных пастой (состоящей из смеси воска со смолой), следы от камней, которые, по его мнению, должны были быть оправлены в золото; это не исключает возможности оформления больших пространств тонкими золотыми пластинками (того же типа, что и на латеранском реликварии) со включением камней (наподобие того убранства, которое сохранилось на лимбургской ставротехе).

¹³ „Das Münster“, 1955, Heft 7—8, fig. 1—2 (München); E. Molinier. Le trésor de Saint Marc à Venise. Venise, 1887, p. 48—49; O. Dalton. Byzantine Art and Archaeology, fig. 310, 316; Н. П. Кондаков. Памятники христианского искусства на Афоне. СПб., 1902, стр. 206, 208, табл. XXIV. Н. П. Кондаков не без оснований выводит этот способ украшения из „древневарварского“.

¹⁴ Некоторые общие черты с нашим реликварием имеет и реликварий из Жокур, хранящийся в Лувре. В частности, сходно убранство его обратной стороны, где представлен процветший крест с розетками на концах. См. J. Ebersolt. Orient et Occident, II. Paris, 1929, p. 28, pl. V.

¹⁵ „Das Münster“, 1955, Heft 7—8, S. 201—240.